

УДК 330.138.15

JEL B14

В. И. Клисторин

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

klistorin@mail.ru

КАРЛ МАРКС И МАРКСИСТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Рассмотрена научная программа и парадигма экономической теории К. Маркса. Выявлены принципиальные отличия его научной программы и других ведущих экономистов первой половины XIX в. Дано объяснение неоднозначного отношения советской научной школы политической экономии к концепции научных революций. Показано, что парадигма марксистской экономической теории существенно отличается от жесткого ядра классической политической экономии. Доказано, что марксизм имеет собственную оригинальную парадигму, объединяющую некоторые элементы классической политической экономии и исторической школы. При этом часть гипотез той и другой перемещаются из жесткого ядра в защитный слой и наоборот.

Описано влияние исследовательской программы и некоторых базовых элементов экономической теории К. Маркса на труды ученых, работавших в рамках альтернативных школ и направлений. Показано, что марксизм оказал большое влияние на выбор предмета и постановку задач неоклассики, австрийской школы и различных направлений институционализма.

Ключевые слова: марксистская политическая экономия, историческая школа, неоклассика, институционализм, парадигма, исследовательская программа, производительные силы, производственные отношения, классовая борьба, классовая солидарность.

Постановка проблемы

Прошло более 130 лет со дня смерти Карла Маркса, но и в настоящее время многие его идеи разделяет множество людей в самых различных частях мира. Самое удивительное состоит в том, что большинство из них не только плохо понимают суть его учения, вольно или невольно приписывая этому автору прямо противоположные утверждения и тезисы, многие даже не читали экономических произведений К. Маркса и ограничиваются отдельными лозунгами и цитатами, вырванными из контекста.

Проблема видится в том, что последователи и интерпретаторы марксизма в своем большинстве выступали скорее в роли публицистов и пропагандистов, нежели ученых, поскольку они в своих произведениях обращались не к профессиональным экономистам, социологам или историкам, а к наименее образованной части населения. В качестве примера сошлемся на статью В. И. Ленина «Три источника и три составные части марксизма», опубликованную в № 3 за 1913 г. журнала «Просвещение» по случаю 30-летия со дня смерти Карла Маркса [1]. Вместо оценки вклада К. Маркса в экономическую науку, постановку и поиск решения социально-экономических проблем современного ему общества автор предлагает крайне упрощенную конструкцию экономической системы К. Маркса, по сути внеисторическую и наднациональную, что явно противоречит сути марксизма. В качестве доказательства

Клисторин В. И. Карл Маркс и марксистская политическая экономия // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 138–149.

В. И. Ленин приводит знаменитую фразу: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Такое утверждение представляет собой тавтологию, равно как и зеркальное: «Учение Маркса бессильно, поскольку оно неверно», бывшее весьма популярным в период перестройки.

Сам К. Маркс, не отличавшийся излишней скромностью, своим главным вкладом в экономическую науку назвал логическое завершение трудовой теории стоимости и ее очистку от вульгарных наслоений и всяческих отступлений. Он считал себя автором двух открытий: товара «рабочая сила», что позволило вскрыть механизм эксплуатации в условиях эквивалентных обменов, и абсолютной ренты, что теоретически обосновало необходимость и неизбежность национализации или социализации земли.

Нельзя сказать, что творческое наследие К. Маркса недостаточно изучено. Скорее наоборот: критическая и апологетическая литература, посвященная экономической теории К. Маркса, необозрима. В задачи же данной статьи входят ответы на следующие вопросы.

- Является ли экономическая теория К. Маркса альтернативной классической политической экономии и тем самым отдельной и самостоятельной теорией или же просто одной из ее версий (левым рикардизмом)?

- Какие из вопросов, поставленных К. Марксом, находили свое решение в работах представителей других школ и направлений, т. е. в чем К. Маркс обогатил теорию и методологию экономической науки и как он повлиял на программу исследований альтернативных школ и направлений?

- Почему марксизм по-прежнему столь популярен, несмотря на значительные достижения альтернативных направлений и школ в XX в. и явные провалы экономической политики стран, декларировавших приверженность марксистской экономической и социальной доктрине?

К сожалению, в отечественных работах советского периода практически невозможно получить ответы на эти вопросы. Так, во «Всемирной истории экономической мысли» более 200 страниц посвящено изложению концепции К. Маркса и Ф. Энгельса, но практически ничего не сказано о базовых принципах теории, кроме упоминания материалистической диалектики и трудовой теории стоимости. Даже в параграфе, претенциозно названном «Краеугольный камень экономической теории К. Маркса» [2. С. 386–393], дается довольно путаное изложение трудовой теории стоимости и различных приемов, которые использовал К. Маркс для обхода определенных трудностей в ее реализации. Мало что добавляют к пониманию базовых принципов этой теории авторы известного учебника под редакцией Автономова [3]. Более того, иногда они смешивают исходные гипотезы и ключевые выводы марксистской теории.

Й. Шумпетер в работе «Капитализм, социализм и демократия» посвящает первую часть работы (первые четыре главы) обсуждению марксистской доктрины [4]. Столь значительный по размерам раздел содержит краткое описание не только экономической теории К. Маркса, но и связей между его экономическими, социологическими и политологическими взглядами. Для целей автора такой синтетический подход был важен, но мало что дает для понимания генезиса экономической теории К. Маркса.

М. Блауг посвятил марксистской экономической теории седьмую главу своей фундаментальной работы «Экономическая мысль в ретроспективе», в которой попытался изложить ее основные элементы и предложить свой вариант критики основных разделов теории Маркса и некоторых его последователей. В этой же работе приведена и обширная библиография по обсуждаемой теме [5. С. 207–273]. Но при этом ряд авторов, например Г. Делеплис, вообще исключают теорию К. Маркса из истории европейской экономической мысли [6].

Домарксистская и марксистская политическая экономия

Классическая политическая экономия, несмотря на все различия между авторами, работавшими в рамках этой теории, стремилась к открытию естественных, объективных законов развития общества, по крайней мере, в том, что имело отношение к производству, распределению, обмену и потреблению товаров. Такие законы вытекали из неизменности, по их мнению, человеческой природы и стимулов в перечисленных выше областях человеческой дея-

тельности. Научная программа К. Маркса существенно отличается от описанной выше. Прежде всего, он относил объективные экономические законы только к каждому из этапов или стадий развития человечества. Эти стадии (формации) последовательно сменяли друг друга. Связанные между собой законы экономического развития и система институтов, реализующая функционирование этих законов, и отличали формации одну от другой.

Технологический и / или технический прогресс (развитие производительных сил) играют центральную роль в концепции К. Маркса, в то время как в концепции классической политической экономии технологический прогресс не столь существен. Например, А. Смит работал в то время, когда были уже не только совершены научные и технологические открытия, но и получены патенты на основные изобретения, позволившие реализовать промышленный переворот. Но его «Богатство народов» написано так, будто фабричные машины ничем не отличаются от инструмента ремесленника. Разумеется, внимание технологическому прогрессу уделял Дж. Ст. Милль, но его понимание прогресса существенно отличается от Марксова. Прежде всего, Милль связывал технологический прогресс с социальным прогрессом, т. е. институциональными факторами, или, в терминах Маркса, эволюцией надстройки. К. Маркс же считал технологический прогресс (развитие материальных производительных сил) первичным по отношению к институтам (надстройке). Более того, технологический прогресс в его концепции мог сопровождаться социальным регрессом и усилением эксплуатации. Вместо кумулятивного положительного взаимовлияния технологического и социального прогресса у Милля Маркс настаивал на их антагонистическом противоречии, что было отражением противоречий между классами, разрешение которых могло произойти лишь в результате революционной смены формации.

Следует отметить, что основные положения доктрины К. Маркса сформулировал еще до начала интенсивной работы над «Капиталом» в Манифесте коммунистической партии [7] и позднее развил в Экономических рукописях 1857–1858 гг. и в так называемом плане шести книг [8. С. 734–735]. Методологическое значение ранних работ К. Маркса для последующего исследования экономики буржуазного общества рассмотрено В. С. Выгодским, А. М. Коганом и рядом других советских авторов [9–11].

Несмотря на преемственность ряда ключевых идей классической политической экономии, целью экономической теории К. Маркса было не познание объективных законов развития общества вообще, а выявление тех специфических законов, которые приведут к гибели определенного (буржуазного) типа общества¹.

При этом для него было важно показать, во-первых, что технологический прогресс (развитие материальных производительных сил) неизбежно приводит к революционным социальным последствиям и, во-вторых, что индивидуальные экономические интересы в совокупности вступают в неразрешимое противоречие с классовыми интересами. Страсть к наживе заставляет предпринимателей использовать технологические инновации, распространение которых приводит к росту органического строения капитала и дальнейшему обобществлению производства. Это, в свою очередь, приводит к снижению нормы прибыли и / или торможению технологического прогресса и к обнищанию рабочего класса. Стремление к расширению рынков толкает к пролетаризации масс, что ведет к росту числа могильщиков буржуазии и т. д.

Марксизм и гипотеза научных революций

Концепция Т. Куна, сформулированная в его работе «Структура научных революций» [12], живо интересовала советских политэкономов. Но отношение к ней было двойственным. С одной стороны, идеи Т. Куна вполне соответствовали представлению о революционном характере экономической теории К. Маркса в сравнении с классической политической экономией и исторической школой, равно как и последующей неоклассикой. С другой стороны,

¹ Ф. Энгельс считал, что К. Маркс открыл законы исторического развития, имея в виду диалектику производительных сил и производственных отношений и теорию классовой борьбы. Но историческая концепция К. Маркса плохо согласовывалась с историческими данными, и сам Маркс вынужден был сделать ряд отступлений от своей теории, например введя понятие азиатского способа производства или признав возможность перехода к социализму через общину.

советским политэкономам был неприемлем тезис о превращении марксистской теории в «нормальную науку», поскольку они настаивали на бесконечном развитии именно этой концепции без изменения парадигмы (что рассматривалось как ревизионизм) и, следовательно, ограниченности марксистской теории.

Как известно, у Т. Куна история науки разделяется на периоды нормального развития и революционных переворотов. В его концепции научное сообщество характеризуется не политическими, экономическими, религиозными или психологическими особенностями и установками, а приверженностью к определенной парадигме или логической и теоретической системе, признанной на данном этапе истинной. Поэтому ученые, разделяющие определенную парадигму, могут доверять результатам друг друга, и, осуществляя исследования индивидуально, все вместе могут расширять и развивать научное знание. Очевидно, в условиях неизменной парадигмы и «нормальной науки» научная деятельность сводится к решению отдельных вопросов (разрешению загадок) и эмпирической проверке гипотез, вытекающих, в конечном счете, из существующей теории или, по крайней мере, не противоречащих ей. Но решение задач и проверка исследовательских гипотез должны осуществляться методами, соответствующими парадигме.

Однако сама экономическая жизнь ставит перед исследователями задачи, в ходе решения которых они вынуждены перевести постановку проблемы на язык науки, т. е. привести ее в соответствие с господствующими принципами. Поэтому в большинстве работ испытанию подвергается не сама парадигма, а квалификация исследователя, работающего в ее рамках. В таких условиях «нормальная наука» может даже препятствовать развитию науки, исключая задачи и эксперименты, которые ставят под сомнение собственно парадигму. Парадигма определяет не только исходные принципы научной модели мира, но и модели решения задач. Поэтому Т. Кун использует и другой термин для парадигмы – дисциплинарная матрица.

Понятно, что исходная модель мира и методы решения задач не могут быть неизменными. В логике Т. Куна неизбежно в науке происходят революции, включающие два этапа: кризис и формирование новой парадигмы². В соответствии с его концепцией замены старого знания новым ученый с определенной точностью может предвидеть результат исследования, что позволяет ему сформулировать гипотезу. Далее ему остается лишь проверить ее. Даже если гипотеза не подтвердилась, нужно не отвергать теорию, а попытаться в ее рамках сформулировать иную гипотезу, рассмотреть дополнительные факторы или, как минимум, перепроверить исходные данные. Только после этого следует задуматься о смене парадигмы. По Т. Куну отказ от старой парадигмы означает принятие новой, т. е. новая парадигма уже должна существовать. Критика концепции научных революций как раз и состояла в том, что было непонятно, откуда могла появиться новая парадигма. Что касается истории экономической науки, то на протяжении, по крайней мере, последних 200 лет одновременно существовали альтернативные теории, развивавшиеся параллельно, что значительно облегчало формирование новых теорий. Новую парадигму можно было синтезировать из элементов, относящихся к различным теориям.

Парадигма марксистской политической экономии

Как раз в такой ситуации оказалась теория К. Маркса. Классическая политическая экономия сформировала собственную парадигму, из которой Маркс, несомненно, взял теорию трудовой стоимости (ценности), трансформировал ее в теорию трудовой прибавочной стоимости (ценности), представление о производительном и непроизводительном труде, которое дополнил теорией эксплуатации, теорией безработицы и идеей редукации труда, и классовую теорию, лежащую в основе теории доходов и теории воспроизводства, включая проблему обнищания рабочего класса. Другие разделы экономической теории Маркса практически полностью базируются на идеях Д. Рикардо, в частности теория денег, ренты, внешней торговли. Но все они сопровождаются важными историко-экономическими очерками, что сближает работу Маркса с исследованиями исторической школы, которая базировалась на другой

² Причинам и признакам кризисов в экономической науке была посвящена специальная статья автора [13].

парадигме (см., например, [14]). В рамках же данной работы необходимо ограничиться теми базовыми гипотезами марксизма, которые созвучны арсеналу исторической школы, если не сказать заимствованы из него.

И. П. Гурова, цитируя работу Д. Гласса и У. Джонсона, так определяет парадигму теории К. Маркса: «Твердое ядро марксистской теории включает положения об общественной природе индивидуальных экономических агентов, о рациональности в общественном измерении, об отношениях собственности как общественных отношениях, о том, что общественные отношения лежат в основе рыночного обмена товарами, а также принцип исторического материализма. Позитивистская эвристика марксистской теории имеет множественный характер и недостаточно четко определена» [15. С. 67].

В этом определении практически отсутствует преемственность с идеями классической политической экономии, но отчетливо прослеживается связь с исторической школой. Карл Поппер уделяет особое внимание «историцизму» Маркса [16. С. 119–130]. Этот анализ представляет несомненный интерес, однако возникает вопрос о его целесообразности, поскольку Поппер отрицает научный характер марксизма на том основании, что последний не отвечает критерию фальсификационизма, т. е. выводы теории не могут быть опровергнуты в рамках самой теории³. Это утверждение может быть принято только по отношению к марксизму в целом как идеологической системе, но никак не к экономической теории Маркса или, по крайней мере, к отдельным ее разделам.

Вернемся к исторической школе. Й. Шумпетер так сформулировал ее основные идеи.

1. Релятивистский подход. Детализированные исторические исследования учат тому, насколько несостоятельна идея существования общезначимых практических правил в области экономической политики. Более того, возможность существования общих законов опровергается положением об исторической причинности социальных событий.

2. Положение о единстве социальной жизни и неразрывной связи между ее элементами. Тенденция к выходу за пределы простых социальных доктрин.

3. Антирационалистический подход. Множественность мотивов и несущественность чисто логических побудительных причин человеческих действий. Это положение утверждалось в форме этических аргументов и в стремлении к психологическому анализу поведения индивидов и масс.

4. Эволюционный подход. Новое всегда рождается из старого, поэтому эволюционные теории призваны использовать исторический материал.

5. Положение о значении интересов во взаимодействии индивидов. Важно то, как развиваются конкретные события и формулируются конкретные условия, а также каковы их конкретные причины, а не общие причины всех социальных событий.

6. Органический подход предполагает аналогию между социальными и физическими организмами. Первоначальная органическая концепция, согласно которой национальная экономика существует вне индивидуумов и над ними, позднее заменяется концепцией, согласно которой индивидуальные экономики, составляющие национальную, состоят в тесной зависимости друг от друга [14. С. 27].

Из приведенного выше четко прослеживается генетическая связь марксизма именно с исторической школой. Прежде всего, это представление о дискретности исторического времени применительно к движущим силам (законам) развития общества. Исторической школе свойственно как представление об эволюции хозяйственной жизни, так и выделение стадий или этапов в этом развитии, поскольку историки считали, что любое научное исследование начинается с классификации.

Роднит марксизм и историческую школу представление о единстве и неделимости экономических, социальных и идеологических процессов, их взаимообусловленности. Тесное переплетение социологической и экономической теорий К. Маркса не требует доказательства. Но он включил в анализ еще и идеологический фактор. Вспомним, например, известное вы-

³ К. Поппер считал, что теория самого К. Маркса была вполне научной, т. е. способной формулировать гипотезы, подлежащие эмпирической проверке. Но после того, как предсказания К. Маркса не сбылись, она была усовершенствована для объяснения фактов, стала непроверяемой и, следовательно, неопровержимой.

сказывание К. Маркса в статье «К критике гегелевской философии права» о том, что теория становится материальной силой, когда она овладевает массами [17]. Маркс уделял много внимания анализу противоречий между индивидуальными, групповыми и классовыми интересами. Отсюда вытекает его объяснение антирационализма в поведении экономических субъектов и несовпадение ожиданий и результатов их решений.

Возникновение нового из старого путем революционных переходов – ключевая идея марксизма. Диалектика индивидуальных и классовых интересов в экономической теории К. Маркса, как и материалистическое представление диалектики в его работах и особенно Ф. Энгельса, т. е. распространение законов мышления на процессы, происходящие в материальном мире, достаточно хорошо описаны как самими основоположниками, так и их последователями.

Кроме того, существует еще множество других признаков тесной связи марксизма и исторической школы. Идея использования понятия производительных сил общества, несомненно, заимствована у Ф. Листа. Но при этом у Листа это совокупность наследуемых и потому воспроизводимых духовных установок, способность создавать богатство, а у Маркса это именно материальные факторы производства, включая и способности самих людей.

Элементы преемственности можно найти при обсуждении ключевой проблемы стоимости рабочей силы, когда Маркс особо отмечает исторически сложившиеся и привычные уровень и структуру потребления при решении проблемы оплаты труда. Напомним, что У. Петти считал, что рабочие получают примерно столько, сколько им нужно для существования из-за конкуренции между собой и присущей людям лени. Д. Локк и Б. Франклин указывали, что конкуренция между рабочими сводит зарплату к минимуму средств существования, а «железный закон заработной платы» сформулировал Ф. Лассаль. Маркс же, построив теорию безработицы, тем не менее не абсолютизировал этот закон, ограничившись теорией относительного и абсолютного обнищания рабочего класса.

Можно и далее перечислять примеры близости отдельных положений и выводов теории К. Маркса с концепцией исторической школы, хотя он жестко критиковал ее методологию и работы отдельных авторов, особенно В. Рошера. Дело в том, что К. Маркс отвергал эмпирический, феноменологический подход этой школы, проводя различие между сущностью и внешним проявлением. Внутреннее движение системы, проявляющееся в виде превращенных форм, невозможно понять исходя из внешних признаков. Но обращает внимание то обстоятельство, что большая часть первого тома «Капитала» представляет собой именно историко-экономическое исследование. Этот метод изложения материала контрастирует с аналитическим методом Д. Рикардо. К. Маркс и этот метод «эмпиризма наоборот» считал ущербным. Его метод восхождения от абстрактного к конкретному буквально означал циклическое движение от представления о развитии системы в целом к анализу эмпирического материала, с последующим возвращением к системному взгляду и т. д. Предполагалось, что в каждом цикле исследователь постепенно сближает общую картину мира и ее видимое проявление ⁴.

К. Маркс получил образование в Германии, там же шло его становление как ученого и полемиста. Поэтому неудивительно то, что его неприятие германской экономической науки и пренебрежительные оценки ее достижений не помешали ему использовать некоторые элементы ее парадигмы в собственной концепции.

Таким образом, можно утверждать, что марксизм имеет собственную оригинальную парадигму, объединяющую некоторые элементы классической политической экономии и исторической школы. При этом часть гипотез той и другой перемещаются из жесткого ядра в защитный слой и наоборот. С высокой степенью уверенности можно утверждать, что анализ

⁴ Ф. Энгельс в письме к В. Зомбарту писал: «Все миропонимание Маркса – не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» [18. С. 352]. Сказано очень красиво, но метод исследования не может заменить ни исходную теоретическую модель, сформулированную хотя бы в виде гипотезы, ни эмпирические исследования, ни критерий оценки истинности выводов. Несомненно, Маркс создал именно развернутую историко-социальную доктрину, а его метод позволил лишь ее обосновать. Может быть, поэтому в полной мере никому, кроме самого Маркса, не удалось в полной мере овладеть марксистским методом исследования.

функционирования рынков, теории стоимости, капитала и, отчасти, прибавочной стоимости соответствует парадигме классической политической экономии. Теория воспроизводства скорее согласуется со взглядами физиократов и исторической школы, а теория социально-политических отношений, включая теорию государства, строится практически целиком в парадигме исторической школы.

Влияние марксизма на альтернативные экономические теории и общество

Одновременно с утверждением о том, что учение К. Маркса является единственной научной экономической и социальной теорией, марксисты фактически отвергали его влияние на другие школы и направления в позитивном плане. Попытки следовать научной программе или использовать в своих исследованиях те или иные идеи Маркса воспринимались в штыки и рассматривались как ревизионизм или как искажение и вульгаризация марксизма. Это напоминало сектантство и часто так и называлось. По-видимому, дело в том, что К. Маркс ввел в научный оборот понятие идеологии и классового характера общественных наук, включая экономику. Он широко использовал этот принцип в критике предшественников и оппонентов. Достаточно было показать, что те или иные результаты и выводы полезны для буржуазии или землевладельцев, и соответствующая концепция подвергалась осмеянию и отвергалась из-за классовой позиции автора. Примером подобной критики может служить работа Н. И. Бухарина «Политическая экономия рантье» [19].

Указание на идеологическую предвзятость может служить субституту арбитражу путем обращения к фактам и эмпирической проверке гипотез при критике оппонентов. Это далеко не тривиальное свойство марксистской методологии. Если классическая политическая экономия и историческая школа ставили целью, хотя и по-разному, объяснить функционирование существующей системы, то К. Маркс и его последователи уже в самом этом видели оправдание статус-кво и буржуазный характер соответствующих теорий.

Естественно, за эту позицию К. Маркса критиковали. Предполагалось, что экономическая наука должна генерировать объективные знания, избавленные от политических и ценностных оценок. Позитивизм стал господствующим направлением в экономической науке, но удалось ли полностью изгнать нормативные модели и ценностные установки исследователя из экономики? Ответ – скорее нет. Даже если сравнить столь близкие между собой доктрины, как неоклассику и посткейнсианство, то окажется, что различие между ними сводится к доступности информации, возможности субъектов предвидеть результаты собственных решений и скорости реакции рынка. Но ответы на эти вопросы различны именно по идеологическим основаниям. Другой вопрос – связаны ли идеологические различия с классовым положением исследователя или с другими факторами, жизненным опытом, темпераментом, социальным статусом или чем-то иным. В конечном счете, если речь идет об эмпирической проверке гипотез, то нам должно быть все равно, каким образом и на основании какой теории они были сформулированы. Тем более нас не должно интересовать происхождение и статус исследователя при оценке качества и обоснованности его работы. Но что касается рекомендаций по экономической политике, то тут ценностные факторы и сформулированные на их основе цели, без сомнения, играют значительную роль. Поэтому принадлежность автора к той или иной партии, социальной группе или коалиции с особыми интересами может существенно влиять не только на исходные предпосылки, но и на выводы.

Трудно переоценить вклад К. Маркса в понимание эволюции поведения экономических субъектов. Для него человек является одновременно и индивидуумом, самостоятельно принимающим решения, и членом определенного класса, осознающим интересы последнего и необходимость классовой солидарности, и бессознательным существом, поставленным собственной классовой принадлежностью и жизненными обстоятельствами в жесткие условия. Такой подход позволяет отказаться от разделения моделей экономического, социального

или исторического человека и создать гораздо более емкую и сложную модель. Развитие производительных сил и эволюция классовой структуры сокращают индивидуализм, приводят к росту отчуждения человека от результатов его труда и повышают классовое самосознание. Вне зависимости от справедливости этого утверждения в том или ином случае такой взгляд существенно сближает экономику, историю и социологию и создает новые направления исследований.

Б. Селигмен писал: «Опровержение экономической и социальной теорий марксизма было модным интеллектуальным увлечением конца XIX века, которому Парето отдался с большой страстью и делал это более искусно, чем многие другие» [20. С. 250]. Добавим, что критическое изучение экономического наследия Маркса заняло весь XX в. и продолжается до сих пор.

В чем только не обвиняли К. Маркса: в использовании необычной терминологии, странном и путаном изложении материала, в смешении потоков и запасов, в формулировании постулатов, которые через цепочку рассуждений доказываются, как будто бы изначально они были гипотезами, в огромном количестве исходных предпосылок, которые вводились по мере изложения материала, замене доказательств иронией или сарказмом, осмеянии оппонентов вместо научной критики, невозможности верифицировать и фальсифицировать выводы и, наконец, в плохой предсказательной силе его теории.

Но даже крах реального социализма в конце XX в. не стал для марксизма фатальным. Дело в том, что критика таких политико-экономических систем неоднократно проводилась также с марксистских позиций, например Л. Троцким, М. Джиласом или М. Восленским.

Ключевой вопрос, поставленный К. Марксом, – судьба буржуазного общества и рыночной экономики, которую мы сейчас с легкой руки В. Зомбарта называем капитализмом. Множество экономистов самых разных направлений и взглядов, безотносительно их отношения к его теории, вынуждено было обосновывать собственную концепцию гибели фабричного капитализма и путей перехода к иному типу общества. После Маркса было невозможно игнорировать противоречия и угрозы, происходившие из функционирования институтов такой организации общества и тенденций общественного воспроизводства. Практически все представители исторической школы после Маркса разрабатывали свой вариант ответа. Еще в большей степени это относится к экономистам «старого» институционального направления от Т. Веблена до Дж. Гелбрейта. Всевозможные более или менее научные концепции постиндустриального общества, народного капитализма, технотронного общества и т. д. так или иначе пытаются дать свой ответ на вопрос, поставленный Марксом.

Доклады Римскому клубу, множество трудов, посвященных новому мировому порядку, проблемам глобализации, сохранению окружающей среды, проблемам развивающихся стран и преодолению отсталости, дискуссии по поводу соотношения эффективности и социальной справедливости, несомненно, связаны с проблемами, сформулированными Марксом, и, по крайней мере частично, восходят к его идеям.

Но проблема гибели современного капитализма и его превращение в иное, во многом противоположное ему общество неоднократно обсуждалась и экономистами, убежденными в эффективности рыночного хозяйства. Например, Й. Шумпетер усматривал причины гибели капитализма не в экономике, а в образе мыслей людей, в культуре. «Прежде предприниматель мог рисковать ради прибыли, а его организаторские и коммерческие способности были гарантией успеха. Теперь же функции предпринимателя сводятся к рутине, бюро и комитеты заменили романтику частных решений. Частная собственность и свобода заключения контрактов становятся фикцией, поскольку миллионы акционеров не принимают участия в решениях. Экономическая система, в конце концов, оказывается неспособной внушить большинству граждан лояльность и эмоциональную реакцию для ее поддержки. Люди отворачиваются от капитализма, несмотря на эффективность созданной им производственной системы. Поскольку обычные люди не могут выразить свое недовольство, это делает интеллигенция... Капитализм, будучи экономически устойчивым и даже укрепляя свои позиции, вносит в человеческое мышление такую рационалистическую струю, благодаря кото-

рой складываются унастроение и образ жизни, несовместимые с его собственными предпосылками, мотивами и общественными институтами. И хотя это не вызывается экономической необходимостью и, возможно, даже противоречит интересам экономического благосостояния, он превратится в систему, которую можно назвать социализмом или еще как-нибудь в зависимости от вкусов или принятой терминологии» [20. С. 476–477].

Л. фон Мизес посвятил критике марксизма и социализма целый ряд своих работ. Следует отметить, что он считал ниже своего достоинства обсуждать работы третьестепенных авторов. Эволюцию общества он связывал с изменением ценностей и, следовательно, целей людей под влиянием распространения образования и достатка. Именно эти факторы формируют институты, противостоящие сохранению ценностей, адекватных капитализму и рыночной экономике, которые замещаются ценностями, приводящими к коллективизму и иждивенчеству.

Ф. фон Хайек также не считал отказ от рыночной экономики исторически неизбежным, не говоря уже об экономической и этической целесообразности. Но он обосновывал неизбежность эволюции в сторону социализма по мере расширения государственного вмешательства в экономическую жизнь и «привыкания» экономических субъектов к такому вмешательству с неизбежным обменом свободы и эффективности общества на защищенность и устранение кошмара принимать самостоятельные решения и нести полную ответственность за их результаты.

Большое влияние работ К. Маркса прослеживается в трудах таких выдающихся экономистов, как О. Ланге, В. Леонтьев, не говоря уже о советских экономистах или представителях радикальной политической экономии (Г. Маркузе, П. Баран, П. Суизи, Р. Милс, А. Гоулднер и др.).

О. Ланге в своей работе «Марксистская политэкономия и современная экономическая теория» сравнивал возможности этих теорий и пришел к выводу, что неоклассическая теория более продуктивна при обсуждении конкретных проблем относительных цен, денег и кредита, налогообложения, влияния структурных сдвигов на заработную плату и т. д., не говоря уже о политике государства. Но «марксистская политэкономия умеет экономическую эволюцию капиталистического общества возвести в последовательную теорию, из которой выводится предопределенность этой эволюции, в то время как «буржуазные» экономисты не идут дальше простого описания исторических реалий» [5. С. 245–246].

Другой причиной привлекательности марксизма является его комплексный характер, о чем говорилось выше. Это резко контрастирует со специализированными разделами современной экономической науки. Марксистская политэкономия остается гуманитарной наукой, в то время как альтернативные теории формализованы и обезличены. Нет необходимости обосновывать критическую направленность марксизма. Но критика часто воспринимается лучше, чем объяснение или апологетика. Как отмечал М. Блауг, у Маркса разделение на явление и сущность само по себе создает удивительное чувство понимания происходящих процессов [5. С. 265]. Мода ссылаться на работы К. Маркса не проходит. При обсуждении целого ряда проблем часто встречается пространное цитирование «Капитала», а упоминание предшественников, сформулировавших близкие идеи, опускается [21. С. 140].

Наконец, произведения самого Маркса и его последователей очень эмоциональны, они изобилуют краткими и выразительными выводами, многие из которых разобраны на цитаты. Маркс в своих экономических произведениях часто избегал однозначных выводов, что позволяло его последователям интерпретировать его слова в выгодном для них смысле.

Пересмотр экономических функций государства и построение теории общественного сектора позволило выявить причины фиаско рынка и государства, создать теоретические основы государственной экономической политики. Экономическая теория благосостояния и теория общественного выбора, исследование технологического прогресса и его влияния на общественное развитие изменили не только наше понимание социально-экономических процессов, но и само общество. К. Маркс удивился бы, узнав, что многие его предложения были реализованы без уничтожения частной собственности, рыночных отношений и экспроприации экспроприаторов.

Заключение

Представляется, что К. Маркс создал собственную научную программу и парадигму политической экономии, которая была синтезирована из положений предшествующих теорий в органическое целое. Поэтому считать, что его экономическая теория является завершением английской политической экономии, что вошло во все учебники, неверно.

Марксистская политическая экономия превратилась в «нормальную науку» и как таковая переживала кризисы в своем развитии. Ренессанс отечественной экономической науки в 1960-е гг., равно как и ее бурное развитие в начале прошлого века, во многом объясняется не только прогрессом в области инструментария исследований и накоплением эмпирического материала. Гораздо более продуктивными стали попытки синтеза марксизма с достижениями других школ и направлений экономической науки, что невозможно без определенной свободы творчества и дискуссий.

Экономическая теория Маркса оказала огромное влияние практически на все школы и направления экономической науки в XX в. Дискуссии вокруг его теории, вне зависимости от того, разделяли ли их участники цели и ценности К. Маркса и его теорию или нет, сыграли значительную роль в прогрессе науки.

Список литературы

1. Ленин В. И. Три источника и три составные части марксизма. URL: http://communi.ru/matireals/university/origins/lenin/3sources_3parts_marksizm.htm
2. Всемирная история экономической мысли: В 6 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2: От Смита и Рикардо до Маркса и Энгельса. 574 с.
3. История экономических учений / Под ред. В. Автономова и др.: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2002. 784 с.
4. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия: Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.
5. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ. 4-е изд. М.: Дело Лтд, 1994 720 с.
6. Делеплас Г. Лекции по истории экономической мысли. Европейский подход. Новосибирск, 2000. 334 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 4. С. 419–459.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 12. 879 с.
9. Багатурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса: История, содержательная методология. М.: Мысль, 1976. 325 с.
10. Выгодский В. С. К истории создания «Капитала». М.: Мысль, 1970. 294 с.
11. Коган А. Некоторые вопросы методологии «Капитала» К. Маркса // Науч. докл. Высш. школы экон. науки. М., 1966. № 2. С. 66–73.
12. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с. URL: http://vk.com/doc79189164_293307066?hash=df9abe67a4a3994e58&dl=04d03071f4e76a6f04
13. Клисторин В. И. Кризисы в экономической науке: методология и эмпирические исследования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2009. Т. 9, вып. 3. С. 3–13.
14. Клисторин В. И. Лекции по истории экономической мысли: Учеб. пособие для вузов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005 162 с.
15. Гурова И. П. Конкурирующие экономические теории. Ульяновск, 1998. 176 с.
16. Понппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. 528 с.
17. Маркс К. К критике гегелевской философии права. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/9/71.htm>
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1966. Т. 39. 713 с.

19. Бухарин Н. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. Репринтное воспроизведение издания 1925 года. М.: Орбита, 1988. 191 с.
20. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. 600 с.
21. Маевский В., Малков С. Перспективы макроэкономической теории воспроизводства // Вопросы экономики. 2014. № 4. С. 137–155.

Материал поступил в редколлегию 15.05.2014

V. I. Klistorin

*Novosibirsk National Research State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

klistorin@mail.ru

KARL MARX AND MARXIST POLITICAL ECONOMY

The paper considers a scientific program and paradigm of K. Marx's economic theory; the basic difference between his scientific program and those presented by the leading economists of the first half of the XIX century; and diverse attitudes of the soviet scientific school of economics towards the concept of scientific revolutions. We show that the paradigm of Marxist economic theory significantly differs from the 'hard core' of classical economics and Marxism has its own and original paradigm which includes certain elements of classical economics and historical school and the part of hypotheses of both moves from the 'hard core' to 'auxiliary hypotheses' and vice versa at that. We also analyze how the 'research program' and certain basic elements of Marx's economic theory impacts on the concepts of scientists who worked within the framework of alternative schools. We can conclude that Marxism greatly influenced the choice of the subject and statement of problems made by researchers of neoclassical economics, Austrian school, and institutionalism.

Keywords: Marxist economics, historical school of economics, neoclassical economics, institutionalism, paradigm, research program, productive forces, production relations, class struggle, class solidarity.

References

1. Lenin V. *Three Sources and Three Component Parts of Marxism*. URL: http://communi.ru/matereals/university/origins/lenin/3sources_3parts_marksizm.htm (in Russ.)
2. *The World History of Economic Thought*. Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 2, p. 574. (in Russ.)
3. *History of Economic Theories*. Ed. by V. Avtonomova et al. Moscow, 2002, p. 784. (in Russ.)
4. Schumpeter J. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. Transl. from Engl. Ed. by V. Avtonomova, Moscow, 1995, 540 p. (in Russ.)
5. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*. Moscow, 1994, 720 p. (in Russ.)
6. Deleplace G. *Lectures on the History of Economic Thought. European Approach*. Novosibirsk, 2000, 334 p. (in Russ.)
7. Marx K., Engels F. The Communist Manifesto. In: Marx K., Engels F. *The Complete Works*. Moscow, 1958, vol. 4, p. 419–459. (in Russ.)
8. Marx K., Engels F. *The Complete Works*. Moscow, 1958, vol. 12, 879 p. (in Russ.)
9. Bagaturia G., Vygodsky V. *Economic Heritage of Karl Marx: History and Methodology*. Moscow, 1976, 325 p. (in Russ.)

10. Vygodsky V. *A Contribution to the History of Creation of «Das Kapital»*. Moscow, 1970, 294 p. (in Russ.)
11. Kogan A. Some Issues of the Methodology of «Das Kapital» by K. Marx. *Scientific Representations. Economic Sciences*, 1966, vol. 2, p. 66–73. (in Russ.)
12. Kuhn T. *Structure of Scientific Revolutions*, 1977, 300 p. URL: http://vk.com/doc79189164_293307066?hash=df9abe67a4a3994e58&dl=04d03071f4e76a6f04(in Russ.)
13. Klistorin V. Crises in Economics: Methodology and Empirical Studies. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Social and Economic Sciences*, 2009, vol. 9, no. 3, p. 3–13. (in Russ.)
14. Klistorin V. *Course of Lectures on History of the Economic Thought*. Novosibirsk, 2005, 162 p. (in Russ.)
15. Gurova I. *Rival Economic Theories*. Ul'yanovsk, 1998, 176 p. (in Russ.)
16. Popper K. *The Open Society and Its Enemies*. Moscow, 1992, vol. 2, 528 p. (in Russ.)
17. Marx K. *A Contribution to the Critique of Hegel's Philosophy of Right*. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/9/71.htm> (in Russ.)
18. Marx K., Engels F. *The Complete Works*. Moscow, 1996, vol. 39, 713 p. (in Russ.)
19. Bukharin N. *Economics of Rentier. Theory of Value and Profit of Austrian School*. Reprint of 1925. Moscow, 1988, 191 p. (in Russ.)
20. Seligman B. *Main Currents in Modern Economics*. Moscow, 1968, 600 p. (in Russ.)
21. Mayevsky V., Malkov S. Prospects of the Macroeconomic Theory of Reproduction. *Economic Issues*, 2001, vol. 4, p. 137–155. (in Russ.)